

ТОТ, КТО СТОИТ ЗА ОКНОМ: ТЬМА В ОТРАЖЕНИИ

КОНЮШЕНКО ЕГОР

Егор Конюшенко

**Тот, кто стоит за окном:
Тьма в отражении**

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Тот, кто стоит за окном: Тьма в отражении / Е. Конюшенко —
«Автор», 2026

Следователь Илья Руднев приезжает на странную смерть: женщина найдена в запертой изнутри квартире, перед распахнутым окном, с лицом, застывшим в изумлении, и без единой причины смерти. Вскоре выясняется, что это не первый такой случай — и у всех жертв под языком вырезан один и тот же древний символ. Чем глубже Илья копает, тем яснее понимает: кто-то целенаправленно подводит людей к окну, за которым их ждёт нечто, способное убивать одним взглядом. Что скрывается за стеклом — и кто стоит за окном в отражении?

Содержание

I	5
II	9
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тот, кто стоит за окном: Тьма в отражении

I

Ночь, когда Илья Руднев впервые переступил порог дома на Заречной, была пропитана мелким, почти невидимым дождём, от которого асфальт становился похож на тусклое зеркало, а редкие фонари расплывались в мутные пятна. Старый семиэтажный дом стоял в глубине двора, зажатый между глухой стеной котельной и рядами гаражей, уже издали казался нежилым строением, чем-то вроде надгробия, случайно забытого среди города. Лифт не работал, и Илья поднимался пешком, слушая, как его шаги отдаются в бетонной шахте гулко и непривычно долго, словно лестница вела не на седьмой этаж, а куда-то глубже — в подземелье, о котором не знали даже зодчие. На площадке седьмого этажа дежурил молодой сержант с лицом человека, который уже успел увидеть нечто, не предусмотренное уставом. Он молча кивнул на дверь квартиры №711 и отступил в сторону, будто боялся, что от одной лишь близости к этой двери с ним случится то же, что и с хозяйкой.

— Внутри судмедэксперт, — сказал сержант, и голос его дал трещину. — И ваш напарник. Только... вы сами увидите.

Илья не стал спрашивать, что именно он увидит. За годы службы он научился тому простому и горькому правилу, что самые страшные места не нуждаются в пояснениях; они говорят сами — запахом, тишиной, тем, как ведут себя люди на пороге. Дверь была приоткрыта, и из щели тянуло холодом, хотя батареи в подъезде, судя по горячему стояку, работали исправно. Он толкнул дверь плечом и вошёл.

Квартира встретила его запахом, который он не смог бы назвать даже с закрытыми глазами: смесь сырости, старой штукатурки, застоявшейся пыли и чего-то сладковато-гнилостного, будто в углу давно лежала мокрая тряпка. Коридор был узкий, с облупившимися обоями, на которых проступали тёмные пятна, похожие на карту неведомой страны. Свет из единственной лампы под потолком дрожал, и от этого казалось, что стены слегка дышат, расширяясь и сжимаясь в такт чьему-то далёкому дыханию. В глубине квартиры, в комнате, горела ещё одна лампа, но её свет был болезненным, жёлтым, словно лился сквозь слой грязной воды.

В комнате стоял Вадим Крылов — грузный, широкоплечий, с вечным выражением усталой иронии на лице, которое сейчас, впрочем, поблёкло. Он стоял возле кресла и смотрел не на тело, а на окно. Услышав шаги, он обернулся, и Илья сразу понял: шуток сегодня не будет.

— Ну и дыра, — сказал Вадим, но это прозвучало не как насмешка, а как попытка хоть чем-то заполнить тишину. — Я думал, такие квартиры только в кино бывают. Ты посмотри на это окно, Илья. Оно открыто. Настежь. А на улице, между прочим, октябрь, ночь, дождь.

Илья подошёл ближе. Тело Алисы Гордеевой сидело в кресле, откинувшись на спинку, с руками, вцепившимися в подлокотники так, что костяшки пальцев побелели и, казалось, вот-вот прорвут кожу. Лицо её было обращено к окну, и на нём застыло выражение, которое Илья видел лишь несколько раз в жизни: не крик, не боль, а безмерное, почти религиозное изумление, будто перед смертью она увидела нечто, что разом отменило все её представления о мире. Глаза были широко открыты, зрачки расширены до предела, и в них застыла та пустота, которая обычно приходит не извне, а из глубины самой души.

— Судмедэксперт говорит, что смерть наступила около двух часов ночи, — продолжал Вадим, кивнув на человека в белом халате, который возился в углу с чемоданчиком. — Но причина пока неясна. Сердце просто остановилось. Ни следов насилия, ни отравления, ни асфиксии. Как будто она умерла от того, что смотрела.

— Дверь была заперта? — спросил Илья, хотя уже знал ответ.

— Заперта изнутри, — подтвердил Вадим. — На два оборота. Цепочка накинута. Окно открыто, но на подоконнике нет следов, кроме этих... царапин. И ещё этот запах. Ты чувствуешь? На подоконнике пахнет так, будто там лежала рыба, которую забыли на неделю.

Илья наклонился к окну. Створка была распахнута, и в комнату вливался холодный воздух, несущий с собой шум дождя и далёкий гул города. Шторы, раздвинутые в стороны, висели

неподвижно, хотя ветер должен был их трепать; они казались не тканью, а крыльями мёртвой птицы, распятыми на карнизе. На стекле, с внутренней стороны, он увидел сеть тонких, но глубоких царапин, словно кто-то вёл по нему ногтями изо всех сил, пытаясь выцарапать нечто важное. Линии пересекались, изгибались, и в их хаосе Илье на миг почудился знак — круг с вертикальной чертой, но он тут же исчез, стоило моргнуть.

На полу возле кресла лежали осколки керамической чашки. Их было много, и разлетелись они широко, будто чашку не уронили, а швырнули с силой, вложив в жест всю оставшуюся ярость. Илье присел, разглядывая черепки, и заметил, что некоторые из них были запачканы чем-то тёмным, но не кровью. Он потёр пятно пальцем в перчатке, и оно оказалось липким, как смола, и пахло тем же сладковатым тленом, что и подоконник.

— Камера, — сказал он, поднимаясь. — Где камера?

Вадим указал взглядом в угол. Там, на высоте человеческого роста, торчал металлический кронштейн, но самого устройства не было; только обрезанные провода свисали, как перерезанные сухожилия. Илье подошёл ближе и увидел на стене тёмный прямоугольник — след от камеры, который ещё не успел выцвести. Кто-то снял её быстро и аккуратно, но не позаботился замести следы.

— Значит, здесь была камера, — проговорил Илье. — И её забрали. Вместе с записью.

— Или вместе с тем, что она записала, — тихо сказал Вадим. — Я не верю в совпадения, Илье. Ты посмотри на это лицо. Она не просто умерла. Она умерла, глядя на что-то. И это что-то было за окном.

Илье обошёл комнату, стараясь не смотреть на тело, но взгляд всё равно возвращался к нему, как язык к больному зубу. На низком столике возле кресла лежала папка из тёмного картона, разбухшая от сырости, и рядом — электронный таймер с большим дисплеем. Цифры на нём застыли: 07:00:00. Секунды не двигались. Илье нажал кнопку, но экран не изменился; устройство было мертво, как и всё в этой комнате.

— Что это? — спросил он, кивнув на таймер.

— Понятия не имею, — ответил Вадим. — Может, будильник. Может, обратный отсчёт. Может, просто хлам. Но он стоял здесь, на видном месте, и кто-то его не выключил.

Илье открыл папку. Внутри лежал единственный лист — договор на бланке без единого реквизита, без названия организации, без печати. Только текст, отпечатанный мелким шрифтом, и подпись внизу: «Алиса Гордеева». Чернила были слишком тёмными, почти чёрными, и когда Илье провёл по ним пальцем, ему показалось, что бумага на миг стала тёплой, как кожа. Он отдёрнул руку и закрыл папку.

— Пустой бланк, — сказал он. — Ни фирмы, ни адреса, ни обязательств. Только подпись. Она подписала что-то, не зная что.

— Или зная, но не веря, — отозвался Вадим. — Я таких видел. Люди подписывают всё, что угодно, когда им очень нужны деньги. Или когда им очень страшно.

Судмедэксперт закончил осмотр и подошёл к ним, вытирая руки салфеткой. Лицо у него было серое, и он старался не смотреть на окно.

— Я не могу назвать точную причину смерти, — сказал он негромко. — Сердце остановилось, но почему — не понимаю. Ни инфаркта, ни инсульта, ни отравления. Такое ощущение, что оно просто... перестало биться. И ещё эти глаза. Я никогда не видел такого расширения зрачков. Она смотрела на что-то очень яркое. Или очень тёмное.

— Время смерти? — спросил Илье.

— Примерно два часа ночи. Но, честно говоря, температура тела и трупные пятна дают странные показания. Как будто тело остывало не по часам, а по какому-то другому закону.

Илье кивнул и снова посмотрел на окно. За стеклом была чернота — не просто ночь, а густая, непроницаемая тьма, в которой не было ни огней соседних домов, ни отблесков фар. Дождь стучал по карнизу, но в этой черноте не было видно ни одной капли. Илье вдруг показа-

лось, что за окном нет улицы, нет города, нет мира — только бесконечное пространство, которое смотрит на него в ответ. Он отвёл взгляд, но ощущение чужого присутствия не исчезло.

— Это не самоубийство, — сказал он наконец. — И не несчастный случай. Это постановка. Кто-то подготовил комнату, привёл её сюда, включил камеру, поставил таймер. А потом забрал камеру и ушёл. И этот запах... он не мог появиться сам по себе.

— Ты думаешь, её убили? — спросил Вадим.

— Я думаю, её использовали, — ответил Илья. — Как будто она была не человеком, а частью какого-то... ритуала. И самое неприятное — я не понимаю, зачем.

Он ещё раз обвёл взглядом комнату. Разбитая чашка, царапины на стекле, мёртвый таймер, пустой договор, запах тлена. Всё это складывалось в картину, которую он не мог прочитывать, но которая уже внушала ему холодное, липкое чувство, будто он стоит на пороге чего-то древнего и безразличного к человеческой жизни. Он подошёл к окну, чтобы закрыть створку, и на мгновение его взгляд скользнул по тёмному стеклу. В отражении он увидел себя — усталого человека в плаще, с лицом, на котором застыла тревога. Но за его спиной, в глубине отражения, ему почудилась ещё одна тень — высокая, тонкая, с головой, склонённой к стеклу. Он резко обернулся. В комнате никого не было.

— Илья? — окликнул Вадим. — Ты чего?

— Ничего, — сказал Илья, но рука его сама собой легла на кобуру. — Просто... здесь очень неудобно. Закрой окно. И вызови криминалистов. Пусть снимут эти царапины, проверят таймер, папку, всё. И найдут камеру. Я хочу знать, что она записала.

Вадим кивнул и пошёл к окну, но когда он взялся за раму, створка вдруг дёрнулась — сама, без ветра, без толчка — и на мгновение Илье показалось, что кто-то с той стороны тянет её обратно. Вадим выругался и силой захлопнул окно. Стекло задрезбужало, и в комнате стало тихо. Слишком тихо.

Илья вышел на лестничную площадку и закурил, хотя давно бросил. Дым поплыл в холодном воздухе, и он смотрел, как он растворяется, не в силах избавиться от ощущения, что за ним наблюдают. Не сержант, не судмедэксперты, не Вадим. Кто-то другой. Тот, кто не имел тела, но имел терпение. Тот, кто остался за стеклом. Илья докурил, бросил окурочек в урну и твёрдо сказал себе, что это просто усталость. Но где-то в глубине души он уже знал: это дело не закончится ни завтра, ни через неделю. Оно будет следовать за ним, как тень, как отражение, как тьма, которая однажды посмотрит в ответ.

II

Морг находился в подвале старого корпуса городской больницы, и уже на подходе к нему Илья ощутил, как воздух становится тяжелее, пропитываясь запахом формалина, мокрого бетона и той особой, сладковатой затхлости, которая не выветривается даже после дезинфекции. Лампы дневного света здесь горели неровно, некоторые мигали с сухим потрескиванием, и от этого длинный коридор с кафельным полом казался не путём в анатомическую, а коридором в подземелье, где время течёт медленнее, чем в мире живых. Вадим шёл впереди, засунув руки в карманы, и его широкие плечи заслоняли половину прохода; он молчал, что случалось с ним редко, и это молчание говорило Илье больше любых слов. Когда они вошли в прозекторскую, судмедэксперт Павел Аркадьевич Громов уже ждал их возле стола, на котором лежало тело Алисы, накрытое серой простынёй. Он был человеком пожилым, с усталыми глазами и руками, которые, казалось, видели больше, чем ему хотелось бы помнить, и сейчас он смотрел на вошедших так, будто надеялся, что они принесли ему объяснение, которого у него самого не было.

— Я работаю здесь двадцать шесть лет, — начал Громов, не дожидаясь вопросов, и голос его был тихим, но в нём слышалась тщательно сдерживаемая дрожь. — Я видел всё, что может сделать с человеком болезнь, нож, огонь, вода и электричество. Но то, что лежит на этом столе, я не могу объяснить. И, честно говоря, не хочу.

Он откинул простыню. Алиса лежала с открытыми глазами, и хотя зрачки уже подёрнулись мутной плёнкой, в них всё ещё читалось то же выражение, что и в квартире: не ужас, а изумление, будто смерть пришла к ней не как враг, а как откровение. Илья заставил себя смотреть, потому что в его работе отводить взгляд означало упускать детали, а детали в таких делах были дороже признаний. Он отметил бледность кожи, почти восковую, синеватые губы, пальцы, скрюченные в последней судороге, и тонкую сеть лопнувших капилляров вокруг глаз, словно жертва испытала чудовищное напряжение, но не физическое, а иное, для которого в медицине не было названия.

— Причина смерти? — спросил Илья, хотя уже слышал ответ в квартире.

— Остановка сердца, — сказал Громов. — Но это не причина, а следствие. Сердце не было больным. Сосуды чистые. Мозг без кровоизлияний. Ни ядов, ни инфекций, ни травм. Я проверил всё, что можно проверить, и даже то, что проверять не положено. Такое ощущение, что жизнь из неё просто... вышла. Как будто кто-то разомкнул цепь и забрал ток.

Вадим, стоявший у стены со скрещёнными руками, хмыкнул, но в этом звуке не было ни капли веселья.

— Павел Аркадьевич, — сказал он, — вы нас не пугайте. Мы люди простые, нам бы что-нибудь материальное. След, отпечаток, хоть какую-то зацепку. Иначе начальство скажет: психоз, переутомление, закрываем дело.

Громов посмотрел на него долгим взглядом, в котором было не раздражение, а скорее жалость, как у человека, который знает больше, чем может сказать.

— Материальное, — повторил он. — Хорошо. Есть одна вещь. Я не сразу её заметил, потому что она... не должна там быть.

Он подошёл к столу и осторожно, пинцетом, приподнял язык покойной. На нижней стороне, у самого корня, темнел небольшой, но чёткий символ, словно вырезанный тонким лезвием: круг с вертикальной чертой, пересекающей его сверху вниз. Края ранки были ровными, почти аккуратными, и, что самое странное, вокруг не было ни следа воспаления, будто знак появился не после смерти и не при жизни, а в тот самый миг, когда жизнь уходила. Илья наклонился ближе. Символ был ему незнаком, но в его очертаниях было что-то настолько древнее, чужое, что глаз отказывался задерживаться на нём дольше секунды.

— Это ещё что за чёрт? — тихо спросил Вадим.

— Я надеялся, что вы мне скажете, — ответил Громов. — Такой же знак я нашёл ещё у трёх тел за последние два года. Но тогда дела закрыли быстро, без шума. Самоубийства, передозировки, остановка сердца. Никто не захотел копать.

Илья выпрямился. Внутри у него что-то сжалось, как пружина, и он вдруг отчётливо понял, что квартира №711 — не начало, а продолжение. Он вытащил блокнот и записал символ, стараясь не смотреть на него слишком долго.

— Три тела, — сказал он. — Кто они?

— Я помню только имена, — ответил Громов. — Нина Соловьёва, студентка. Олег Кравцов, ветеран. Марина Дементьева, медсестра. Все — одинокие, все — в трудной ситуации. И у всех — этот знак. И ещё запах. Я тогда списал его на разложение, но теперь... теперь я не уверен.

Вадим оттолкнулся от стены и подошёл к столу, вглядываясь в символ с таким выражением, будто пытался запомнить его на случай, если придётся рисовать по памяти.

— Значит, серия, — проговорил он. — Только никто её не увидел. И мы бы не увидели, если бы эта квартира не попалась нам. Илья, у нас два пути: либо мы копаем и находим того, кто ставит эти метки, либо нас ждёт то же, что и их.

— Тебя послушать, так мы уже покойники, — сказал Илья, но шутка вышла плоской, и он сам это почувствовал.

Они вышли из морга в серый день, который не принёс облегчения. Дождь прекратился, но воздух остался сырым и холодным, а небо было затянуто такой плотной пеленой, что казалось, будто солнце больше никогда не пробьётся сквозь неё. В машине Вадим включил печку, но тепла не чувствовалось; холод шёл не снаружи, а откуда-то изнутри, от того места в груди, где обычно живёт уверенность в том, что мир устроен понятно и что зло имеет лицо, имя и мотив. Илья смотрел на дорогу, но перед глазами стоял символ под языком Алисы, и он никак не мог отделаться от мысли, что этот знак — не просто метка, а печать, клеймо, знак принадлежности.

В управлении их встретил шум — привычный, почти успокаивающий шум принтеров, телефонов и голосов, — но уже через десять минут он показался Илье декорацией, за которой скрывается пустота. Они поднялись в кабинет, где на стене висела карта города с отметками старых дел, и Вадим, не снимая пальто, сел за компьютер. Он работал быстро, иногда что-то бормотал себе под нос, и Илья, наблюдая за ним, чувствовал, как между ними протягивается та особая нить, которая связывает напарников, когда они идут по следу чего-то опасного. Через час Вадим откинулся на спинку стула и потёр глаза.

— Есть, — сказал он. — Не три, а шесть. За последние пять лет. Нина Соловьёва, Олег Кравцов, Марина Дементьева, Егор Власов, Светлана Гущина, Артём Лебедев. Все найдены в закрытых помещениях, все — перед окном или зеркалом, у всех — остановка сердца без причины. Двое — в съёмных квартирах, одна — в общежитии, один — в заброшенном офисе, одна — в собственной ванной перед зеркалом. И знаешь, что общего?

— Они все были одни, — сказал Илья.

— Не только, — Вадим развернул монитор. — Они все участвовали в каких-то экспериментах. Психологических. За деньги. Фирма называлась по-разному, но банковские реквизиты пересекаются. «Стеклянный порог», «Окно возможностей», «Ночной свидетель». Все — фиктивные, зарегистрированы на подставных лиц. Но деньги шли из одного места.

Илья подошёл к столу и вгляделся в список. Имена ничего ему не говорили, но за каждым стояла жизнь, которая закончилась в темноте, перед стеклом, с открытыми глазами. Он вспомнил Алису, её лицо, её руки, вцепившиеся в кресло, и понял, что где-то там, в этих файлах, лежит ответ, но ответ, который им не понравится.

— Значит, их выбирали, — сказал он. — Не случайно. Их находили, предлагали деньги, сажали в комнату и заставляли смотреть в окно. А потом убивали. Или они убивали себя сами, не выдержав того, что видели.

— Или то, что было за окном, убивало их, — тихо добавил Вадим. — Я не верю в мистику, Илья, ты знаешь. Но я верю в то, что некоторые вещи лучше не видеть. И если есть люди, которые заставляют других смотреть на эти вещи, то они — не просто убийцы. Они — что-то похуже.

В кабинет без стука вошёл полковник Свиридов — грузный, с красным лицом и вечным недовольством, которое он считал признаком твёрдости. Он бросил на стол папку и посмотрел на обоих так, будто застал их за чем-то непристойным.

— Руднев, Крылов, — сказал он. — Я слышал, вы копаете под смерть этой женщины с Заречной. Закрывайте. Судмедэксперт написал «острая сердечная недостаточность», и меня это устраивает. У нас три нераскрытых убийства, два ограбления и пропавший ребёнок. А вы тратите время на сумасшедшую, которая напилась таблеток и смотрела в окно.

— Она не пила таблеток, — ровно сказал Илья. — И это не первая такая смерть. Их как минимум шесть. Все — с одним и тем же знаком, все — после контакта с одной и той же организацией.

Свиридов побагровел ещё больше, но в его глазах мелькнуло нечто похожее на страх, тщательно спрятанный под грубостью.

— Я сказал, закрывайте, — повторил он. — Или я закрою вас. Оба пойдёте регулировать дорожное движение. Это не просьба.

Он вышел, хлопнув дверью. В кабинете стало тихо. Вадим посмотрел на Илью и медленно, без улыбки, покачал головой.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь мы официально без разрешения. Что будем делать?

Илья подошёл к окну и посмотрел на город. Серые крыши, мокрые улицы, редкие огни в ранних сумерках. Где-то там, среди этих домов, расположена квартира №711, а в ней — кресло, окно и тьма, которая умела ждать. Он знал, что если они остановятся сейчас, то смертей станет больше, и каждая будет лежать на их совести. Он повернулся к Вадиму, и в его голосе не было ни колебаний, ни страха — только холодная, упрямая решимость.

— Будем копать дальше, — сказал он. — Только теперь тихо. Найдём «Стеклянный порог», найдём тех, кто платит, и выясним, что они делают с людьми в этих комнатах. А если начальство не хочет видеть правду, тем хуже для начальства.

Вадим кивнул и снова повернулся к компьютеру. За окном сгущалась тьма, и в её глубине, за стеклом, Илье на миг почудилось движение — медленное, уверенное, словно некто необъятный и безразличный повернул голову в их сторону. Он задёрнул штору и постарался забыть об этом. Но забыть не получилось. Тьма за окном не исчезла. Она просто стала ждать.

III

Офис «Стеклянного порога» располагался на четвёртом этаже старого административного здания в промышленной части города, там, где улицы теряли названия и превращались в бесконечные ряды бетонных заборов, складов и пустых цехов. Илья и Вадим приехали туда на следующий день, уже в сумерках, когда окна домов загораются неохотно, а свет фонарей кажется не источником тепла, а способом отогнать нечто, что всегда стоит чуть дальше границы освещённого круга. Подъезд был заперт на кодовый замок, но Вадим, недолго думая, набрал комбинацию, которую они вычислили по старым счетам фирмы, и дверь с тяжёлым щелчком открылась. Внутри пахло пылью, старой бумагой и той особой смесью машинного масла и сырости, которая бывает в помещениях, где давно не бывает людей, — но, что странно, на лестнице горел свет, и лампы были тёплыми, будто их включили совсем недавно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.